

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна

кандидат социологических наук,
ученый секретарь Центра семьи и демографии
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

**СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
АГРОСЕЛЬСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ПРОБЛЕМЫ МОБИЛЬНОСТИ**

Аннотация:

Мобильность аграрных кадров в рамках социально-профессиональной структуры российского села представлена в статье как актуальная проблема, разрешение которой обычными инструментами повышения социального статуса не представляется возможным. Выстраивая логику анализа социальной мобильности сельских жителей, автор опирается на методологические и методические достижения преимущественно отечественных ученых, иллюстрируя остроту излагаемой проблемы данными эмпирических исследований, проведенных социологами села в различных регионах России.

Ключевые слова:

социальная структура, социальная стратификация, социальная мобильность, социальный статус, сельское пространство, сельское хозяйство, аграрные кадры, профессия, квалификация, дифференциация.

Ildarhanova Chulpan Ildusovna

PhD in Social Science, Academic secretary,
Family and Demography Center of the Academy of
Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

**SOCIAL AND PROFESSIONAL
STRUCTURE OF
THE MODERN RUSSIAN
AGRARIAN RURAL SPACE:
PROBLEMS OF MOBILITY**

Summary:

The article studies the mobility of agrarian personnel in social and professional structure of Russian rural society as a topical issue, resolution of which appears to be impossible by application of common tools for social status upgrade. Forming up analysis logic of rural citizens' social mobility, the author proceeds from the methodological and methodic advances of Russian scientists mainly, explaining the urgency of the discussed issue by the empirical researches carried out by rural sociologists in various regions of Russia.

Keywords:

social structure, social stratification, social mobility, social status, rural space, agriculture, agrarian personnel, profession, qualification, differentiation.

Модернизация российского общества, его урбанизированной и сельской части сопровождается усилением риска во всех сферах: экономической, социальной, политической и духовной, затрагивает интересы различных социально-демографических групп. Анализ социальной структуры сельского социума неизбежно затрагивает проблемы социального неравенства, которые можно изучать как противопоставляя уровни доступа к возможностям и благам жителей села / города, так и рассматривая реальности стратификации внутри сельского сообщества [1].

В жизненном пространстве городского или сельского индивида значимую роль играет дифференциация труда, обусловленная особенностями выполняемых операций. Ролевая активность моделируется профессиональными обязанностями. Профессиональные занятия, предлагаемые сферой трудовой занятости в конкретном сельском социуме, определены нормативно в специальных технологических инструкциях и положениях. Вариации ролевой активности в социологическом анализе актуальны ввиду возможности построения дальнейшего вертикального разделения занятий, связанного с оценкой мобильности и стратификации общества. Симпатизируя логике американского социолога Дж. Спэфа, мы склонны к утверждению, что увеличение и сложность выполняемых операций влечет за собой разделение профессиональных полномочий [2].

Применив подход данного автора и дополнив его рядом новых критериев, можем описать конструкцию вертикальной дифференциации профессий и в сельском хозяйстве, которая имеет следующий вид (таблица 1).

К перечню существенных, по мнению Дж. Спэфа, показателей различения занятий – участие в управлении, сложность труда и престиж – мы считаем необходимым добавить критерии дохода и устойчивости своего положения. Выявить связь между трудом в агропромышленном комплексе (АПК) и общим и специальным образовательным уровнем, которые необходимы для выполнения соответствующей трудовой функции, достаточно сложно. Это обусловлено тем, что ряд должностей, требующих специального образования, заняты практиками.

Таблица 1 – Конструкция вертикальной дифференциации профессий современного сельскохозяйственного предприятия коллективно-корпоративного уклада с численностью работников до 100 человек [3]

	агроном	инженер	экономист	руководитель крупхоза	механизатор широкого профиля	водитель автомобиля
1. Управленческие функции						
1.1. Имеет постоянные функции руководства (первого уровня)				+		
1.2. Имеет эпизодические функции координатора (управленческие функции второго уровня)	+	+	+			
1.3. Не имеет функций руководства					+	+
2. Сложность труда						
2.1. Время для приобретения навыков профессий	5 лет	5 лет	3–5 лет	10 лет	1–3 года	1 год
2.2. Общий образовательный уровень	высшее	высшее	высшее, среднее специальное	высшее, среднее специальное	7–11 классов	7–11 классов
2.3. Характер работы с информацией, постоянный анализ и синтез данных	+	+	+	+		
3. Престиж профессии (специальности)						
3.1. Высокий			+	+		
3.2. Средний	+	+				
3.3. Низкий					+	+
4. Доход						
4.1. Высокий				+		
4.2. Средний	+	+	+			
4.3. Низкий					+	+
5. Стабильность места работы в данной организации						
5.1. Высокая						
5.2. Средняя	+	+	+	+	+	+
5.3. Низкая						

По данным отдела кадров Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан, таковых среди инженеров сельскохозяйственных формирований 10 %, зоотехников – 9 %, агрономов – 6 %. Отметим, что специалисты-практики без соответствующего образования составляют небольшую часть от всех занятых, более того, их «недообразованность» восполняется таким показателем, как способность работы с информацией (постоянный анализ и синтез).

Обозначенные факты свидетельствуют о значимости такого фактора вертикальной стратификации, как квалификация (функциональная грамотность). Сужение пространства рабочих мест определяет схему, где не квалификация, а наличие любого оплачиваемого рабочего места подвигает индивида (вне зависимости от уровня его образования).

Изложенные выше конструкции можно рассмотреть во временном и пространственном аспектах. В позднесоветский период градация квалификации занятий подверглась трансформации по сравнению с колхозно-совхозным временем. Результаты исследований того периода показывают, что в аграрном производстве было существенно меньше классовых разрядов, чем в промышленности, сфере массового обслуживания, располагающихся в городах, но больше, чем в современной жизненной среде села. В современном АПК наблюдается большая неравномерность развития отраслей; большинство крупхозов избавилось от животноводства, которое замыкает на себе достаточно большое число занятий. Профиль занятий стал во многом обуславливаться коммерческой деятельностью. Многие виды занятий, не сулящих быстрой прибыли, исчезли из среды села (разного рода испытательные и контрольные лаборатории, эксперименталь-

ные полевые участки и т. п.). Структура кадров (от управленческого звена до работников физического труда) стала более узкой. Например, в колхозах и совхозах помимо главных агрономов, инженеров и зоотехников существовали одноименные (неглавные) специалисты на отделениях хозяйства. В новой рыночной ситуации штаты этих должностей могут не укомплектовываться по воле собственников.

Взамен этому пришло некоторое разнообразие занятости через фермерский сектор, сбытовую деятельность членов семейных хозяйств, работу в области информации и коммуникации, появились некоторые ранее не существовавшие в деревне занятия (социальные работники) [4, с. 180].

Все они, исключая фермерский сектор, который пока невелик [5], могут рассматриваться как пространство горизонтальных перемещений. Что касается вертикальной мобильности, главного индикатора профессиональной стратификации, то в подавляющем числе современных российских сел она отсутствует. «Верхней планки», к которой мог бы, пополняя свой образовательный и специальный багаж знаний, двигаться сельский механизатор, животновод, не существует. Инженер или агроном не может рассчитывать занять освободившийся пост руководителя крупхоза, поскольку это находится за пределами компетенции местного сообщества, членов трудового коллектива. Схожая ситуация характерна для кадрового обеспечения учреждений социальной инфраструктуры.

Анализируемая схема трудоустройства не является устойчивой, и она имеет далеко идущие последствия для конструктивно ориентированных людей села. Стоит обратить внимание, что сельское хозяйство занимает последнее место по уровню оплаты труда и данная социально-профессиональная группа изыскивает другие способы поддержания благополучия, среди ресурсов поиска определенную востребованность получает полипрофессионализм, многофункциональность специализации, которые реализуются как на селе, так и за его пределами. Последнее в виде трудового отходничества открывает более значительные перспективы, чем перемена занятий внутри села, и к этому сложились объективные предпосылки. Взяв среднюю заработную плату в стране за 100, получим в образовании – 65, в обрабатывающих производствах – 97, в добыче полезных ископаемых – 209, в сфере финансов – 257, у работников сельского хозяйства – 47 [6]. Более того, это усугубляется нестабильностью уровня оплаты. После завершения периода интенсивного труда на уборке урожая руководители крупхозов уменьшают заработную плату механизаторам, занимающимся ремонтом техники в зимнее время.

Исследования, проведенные Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (при участии автора) в муниципальных районах РТ [7] в 2012–2014 гг., выявили, насколько самочувствие сельских жителей, связанное с уровнем материальной обеспеченности, отражает их идентификацию с доходными группами.

По результатам опроса глав сельских поселений Кукморского муниципального района РТ [8], 16 % населения района трудоспособного возраста вовлечены в сельскохозяйственную деятельность. Среднемесячная зарплата работника сельского хозяйства в Кукморском муниципальном районе РТ в 2012 г. составляла 9846 руб., что в 1,6 раза больше уровня 2008 г.

Парадокс общественного сельского сознания проявился в том, что, формально являясь обладателями более высокого уровня средней зарплаты, жители Пестречинского района считают себя менее обеспеченными, если сравнить статистические данные о средней начисленной зарплате и ответы респондентов Кукморского и Пестречинского районов РТ об отнесении своей семьи к одной из статусных групп (таблица 2).

Таблица 2 – Самоопределение положения своей семьи сельскими жителями по уровню доходов в Республике Татарстан (в %)

	Кукморский район	Пестречинский район
Очень бедная	3,6	3,4
Бедная	9,3	20,3
Среднего достатка	60,2	64,8
Выше средней обеспеченности	5,1	3,4
С высокими доходами	0,7	0

Рейтинг муниципальных образований РТ отразил в два раза более тревожную ситуацию с безработицей в Кукморском районе, трудоспособное население (по возрасту) которого наделяет себя вполне позитивными оценками по уровню доходов (таблица 3).

Таблица 3 – Уровень жизни сельского населения РТ

	Средняя начисленная зарплата (январь – ноябрь), руб.			Соотношение среднемесячной зарплаты и МПБ, раз			Уровень зарегистрированной безработицы		
	2010	2011	2012	2010	2011	-	2010	2011	2012
Кукморский	10307	11951	13322	1,47	1,59	-	0,76	0,79	0,95
Пестречинский	11891	13666	15529	1,76	1,83	-	0,40	0,43	0,51

Анализ распределения среднедушевого совокупного дохода сельского жителя по группам минимального потребительского бюджета на члена типовой семьи по РТ показывает, что при сопоставлении фактических уровней доходов и самооценок опрошиваемых последние значительно превышаются респондентами. Более половины опрошенных – 60 % – с доходом ниже минимального потребительского бюджета определяют уровень достатка семьи как средний, «очень бедными» себя считают 4,8 %. Респонденты, доход которых находится на уровне минимального потребительского бюджета, в своей самооценке приравнивают себя к группе среднего достатка – 72,3 % и полагают, что доходы их семьи вполне адекватны и удовлетворяют их основные запросы. Соответствие реальности и самопрезентации своего финансового положения наблюдалось у группы сельского населения с доходами, превышающими минимальный потребительский бюджет. Феномен искажения действительного материального положения сельской семьи неоднозначен. Его корни уходят не столько в психологию поведения групп населения с низкими доходами, сколько во влияние общего положительного идеологического климата как всего пространства республики Татарстан, так и его локального сельского сегмента. В целом сельское население Татарстана в лице правительства Республики видит не врага, цель которого изжить сельскохозяйственное пространство, а партнера на пути к достижению устойчивости развития родной земли [9].

Абсолютным лидером в роли сельского работодателя в Дрожжановском муниципальном районе выступают государственные унитарные предприятия – они обеспечивают работу половине опрошенных во всех возрастных группах. По охвату сельских жителей хозяйственные сообщества разных типов занимают второе место во всех возрастных подгруппах. В них работает 10,2 % от всей опрошенной работающей молодежи, 16,8 % от всех опрошенных занятых трудом людей среднего возраста и 9,6 % работающих респондентов пенсионного возраста. Зафиксирована группа молодых людей, обеспечивающих себе рабочее место в сфере торговли, – 7,6 % от всей опрошенной работающей молодежи.

Анализ занимаемых должностей сельскими жителями разного демографического статуса (по результатам опроса в Дрожжановском муниципальном районе РТ) выявил, что: 1) руководящие должности занимают люди с опытом работы – среди них 50 % опрошенных жителей среднего возраста (30–44 года), 37 % – от 45 лет до 60, 15 % – пожилые, 9,8 % – молодежь; 2) молодежь как рабочая сила на селе – это прежде всего специалисты – 45,3 %, служащие – 19,7 %, занятые физическим и сельскохозяйственным трудом, определившие себя как «рабочий», «колхозник» – 16,2 %; 3) поколение среднего возраста сосредоточено, во-первых, в сегменте специалистов – 37,4 %, во-вторых, «рабочих» и «колхозников» – 21,3 %, в-третьих, служащих – 17,7 %; 4) сельские жители пожилого возраста востребованы как специалисты – 40 %, руководители – 15 %, «рабочие» и «колхозники» – 15 %.

Большое количество сельчан пенсионного возраста, занимающих руководящие посты на селе, представлены главами сельских поселений. Данная должность формально является избираемой; содержание труда, его вознаграждение и объем ответственности неконкурентоспособны, ввиду чего в реальности на эту должность назначают жителя поселения, обладающего качествами управления и хорошим знанием социально-экономической ситуации поселения.

Пространственное рассредоточение работающих селян Дрожжановского муниципального района РТ выявило неоднозначные тенденции. С одной стороны, большая часть жителей имеет возможность работать в своем селе, с другой стороны, зафиксирована устойчивая группа сельских мужчин, работающих вахтовым методом, выезжающих в большинстве случаев в смежную Ульяновскую область. В ходе глубинных интервью было выявлено, что данный вид трудовой занятости свойственен социальным группам, проживающим в одном поселении, а не отдельным индивидам, когда мужчины одной деревни в абсолютном большинстве уезжают на заработки (строить шахты) с дальнейшим возвращением в родную деревню. Они относятся к группе риска по ряду причин (ослабление семейно-родственных связей, социальная незащищенность, тяжелые условия проживания во время вахты), способствующих ухудшению социально-демографической ситуации района.

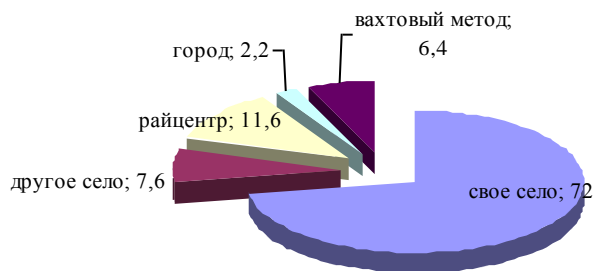


Рисунок 1 – Территориальное распределение работающих жителей Дрожжановского муниципального района РТ (в %)

Анализ возрастной структуры drozhzhanovtsev, earning by the вахтовый метод, showed that in the first place occurs the outflow of residents of average age – 53,7 % respondents, involved in this type of labor activity, these are people 34–45 years, then – 46–59-year-olds – 31,5 %. Вахтовый метод работы является наиболее вынужденной мерой маятниковой миграции, сопряженной с необходимостью обеспечивать финансово свое домохозяйство. Преобладание в группе вахтовых рабочих людей среднего и зрелого возраста, в абсолютном большинстве своем состоящих в браке, представляет, с одной стороны, материальную устойчивость сельской семьи, с другой стороны, является угрозой устойчивости института семьи ввиду ослабления ежедневных межличностных интеракций супругов. Жителей чувашской национальности, вовлеченных в вахтовый метод, в два раза больше, чем татар.

Город как вызов устойчивости сельского населения и сельской семьи наиболее популярен среди жителей среднего возраста (47,6 % от всех респондентов, указавших город как место работы) и молодежи (38,1 %). Отток жителей из группы зрелого возраста в город не происходит. Данное распределение объясняется физическими ресурсами каждой демографической подгруппы.

Определенной тенденцией для Дрожжановского муниципального района РТ является маятниковая миграция населения в трудоспособном возрасте, однако к пожилому периоду население окончательно закрепляется в родных селах. Это свидетельствует о том, что рабочие места вне своего села и района позволяют поддерживать жизнеобеспечение семьи, домохозяйства, но не повысить уровень своей жизни, который мог бы способствовать переезду в другой район на постоянное проживание [10].

Мы полагаем, что проблемы трудоустройства сельской молодежи определяются более широким кругом зависимостей. В результате резкого расхождения ценностей желаемого образа жизни и реальности, в которой в обозримой перспективе трудно ожидать практического воплощения этого образа, с особой силой заявляет о себе феномен относительной депривации. Формула отчуждения сельской молодежи от села сводится к будущему, в котором к 60 годам сельчанин останется тем же, кем он был в 20 лет (по статусу, престижу, возможно и по материальной обеспеченности). Это ориентирует молодежь на поиск возможностей самореализации в городском пространстве, пренебрегая трудоустройством в аграрном производстве. Известный отечественный социолог села П.П. Великий констатирует факт зарождения протогруппы, названной им «сельско-городская молодежь», имеющей сельскую прописку, но обладающей многими социальными характеристиками городской молодежи [11]. Образование этой протогруппы обусловлено в первую очередь состоянием технической и технологической модернизации АПК. При обновлении техники в данной сфере в объеме 4 % в год, при выпуске всего 1000 единиц тракторов заводами РФ [12] современной молодежи не приходится ожидать производственной среды с интересной работой и перспективной восходящей мобильности.

Сельскохозяйственное производство организовано так, что в нем исключены почти все лифты восходящей мобильности. Для работников физического труда существуют ступени перехода от низкого к более высокому социальному положению и статусу (разряды, классность), но они не общеобязательны для собственников и менеджмента, которые по своему усмотрению могут перевести высокопрофессионального механизатора на более низкую, а реже – высокую зарплату. Для такого работника мерой вертикального восхождения должен быть специалист, должность которого требует высшего или среднего образования. Если социальное положение этого слоя действительно более престижно и высокооплачиваемо, то естественно стремление сельской молодежи подняться на эту ступень благодаря мобилизации собственной воли и интеллектуальных усилий. Реальность сельской России демонстрирует большую неравномерность по мощности и отраслевому составу сельскохозяйственных предприятий, и это предопределяет состав специалистов-технологов и уровень оплаты их труда.

Ссылки и примечания:

1. Социальные характеристики трудовой занятости в регионе / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, И.М. Орехова, Ю.В. Черевко // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 107–117.
2. Spaeth Joe L. Vertical Differentiation among Occupations // *American Sociological Review*. 1979. October. Vol. 44. № 5. P. 746–762.
3. Перечень профессий квалифицированного физического труда может быть расширен, но их социальные характеристики остаются схожими с механизаторами широкого профиля.
4. Геодемографическая инфраструктура села: локальное измерение. Пестречинский муниципальный район Республики Татарстан (социологический анализ) : монография / под ред. Ф.А. Ильдархановой ; М.Ф. Аблаев, Г.Н. Булатова, Н.К. Габдрахманов, Г.Р. Галиуллина, А.А. Ибрагимов, Ч.И. Ильдарханова, Ф.А. Ильдарханова, В.Н. Комарова, В.А. Рубцов, Н.М. Якушкин. Казань, 2012. 424 с.
5. Ильдарханова Ч.И. Актуализация сегментов института фермерства в исследованиях западных ученых // *Власть и управление на Востоке России*. 2014. № 1 (66). С. 37–43.
6. Григорьев Л., Плаксин С., Салихов М. Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // *Вопросы экономики*. 2008. № 4. С. 25–43.
7. Комплекс социологических исследований, в статье использованы данные опроса «Социальный капитал села», реализованного в Пестречинском (генеральная совокупность – 29234 человек, выборка – 1095 респондентов), Кукморском (34577 / 1000), Дрожжановском (24686 / 1001), Высокогорском (44451 / 898) муниципальных районах.
8. Инициатива, организация опроса и сбор данных осуществлены отделом реструктуризации предприятий и развития агробизнеса Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан в 2013 г. Анкеты обработаны НИЦ семьи и демографии АН РТ. Метод опроса – анкетирование, выборка – 28 сельских поселений.
9. Ильдарханова Ч.И. Социальный капитал села в Республике Татарстан: этнографическое кейс-стади : науч. моногр. в авт. ред. Казань, 2014. 120 с.
10. Назарова Е.А. Миграционная политика Российского государства : монография. М., 2009. 176 с.
11. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации : монография / под ред. Ю.С. Воронова. Саратов, 2012. 340 с.
12. Ушачев И.Г. Современное состояние и проблемы развития АПК России (Доклад на Ученом совете ИЭ РАН, 20 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vniiesh.ru/news/20579.html> (дата обращения: 10.06.2014).

References and notes:

1. Golenkova, ZT, Igitkhanyan, ED, Orekhova, IM & Cherevko, YV 2009, 'Social characteristics of employment in the region', *Sociological studies*, no. 9, p. 107-117.
2. Spaeth, Joe L 1979, 'Vertical Differentiation among Occupations', *American Sociological Review*, October, vol. 44, no. 5, p. 746-762.
3. The occupations list of skilled manual labor can be expanded, but their social characteristics remain similar to the mechanization resellers.
4. Ablaev, MF, Bulatov, GN, Gabdrakhmanov, NK, Galiullina, GR, Ibragimov, AA, Ildarkhanova, CI, Ildarkhanova, FA, Komarova, VN, Rubtsov, VA & Yakushkin, NM 2012, *Geodemographic rural infrastructure: local dimension. Pestrechinsky municipal district of the Republic of Tatarstan (sociological analysis): monograph*, Kazan, 424 p.
5. Ildarkhanova, CI 2014, 'Actualization segments farming research institute Western scholars', *Power and Control in the East of Russia*, no. 1 (66), p. 37-43.
6. Grigoriev, L, Plaksin, S & Salikhov, M 2008, 'Post-crisis economic structure and the formation of coalitions for innovation', *Economic Issues*, no. 4, p. 25-43.
7. Complex sociological research, the article used data from the survey "Social capital is the village", realized in Pestrechinsky (general population – 29,234 people, the sample – 1,095 respondents), Kukmorskiy (34577/1000), Drozhzhanovskiy (24686/1001), Vysokogorskiy (44451/898) municipalities.
8. Initiative, organization of the survey and data collection department implemented restructuring and Agribusiness Development, Ministry of Agriculture and Food of the Republic of Tatarstan in 2013 questionnaires processed SRC family and demography AN RT. Survey method – a survey, the sample – 28 rural settlements.
9. Ildarkhanova, CI 2014, *Social capital is the village in the Republic of Tatarstan: ethnographic case study*, Kazan, 120 p.
10. Nazarova, EA 2009, *Migration policy of the Russian state: monograph*, Moscow, 176 p.
11. Velikiy, PP 2012, *Russian village. Processes of post-Soviet transformation: monograph*, in Voronov, YS (ed.), Saratov, 340 p.
12. Ushachev, IG 2014, *Current status and problems of Russian agriculture (Report by the Scientific Council of IE RAS, May 20, 2014)*, retrieved 16 June 2014, <<http://www.vniiesh.ru/news/20579.html>>.